

ГУМАННЫЙ СЫЩИК ПУТИЛИН

ЕЛЕНА САФРОНОВА
Родилась в 1973 году.
Прозаик, литературный
критик-публицист. Постоян-
ный автор толстых
литературных журналов
(«Знамя», «Октябрь», «Урал»,
«Бельские просторы» и др.),
портала открытой критики

Rara Avis и др. Редантор
рубрики «Проза, критика,
публицистика» литературного
журнала Союза писателей
Москвы «Нольцо "А"». Редантор
информационного портала
о культуре «Ревизор.ru».
Лауреат ряда литера-
турных премий в крити-

ческих и прозаических
номинациях. Автор романа
«Жители ноосферы» (2014),
книги рассказов «Портвейн
меланхоличной художницы»
(2017), сборников критиче-
ских статей «Все жанры,
кроме сучного» и «Диагноз:
Поэт».

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ. КОСТЮМ АРЛЕНИНА.
М.: АСТ; РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ, 2022.
(ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ РЕШ)

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ. ДОМ СВИДАНИЙ.
М.: АСТ; РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ, 2022.
(ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ РЕШ)

В издательстве Елены Шубиной переизданы два романа Леонида Юзефовича о расследованиях сыщика Путилина: «Костюм Арленина» и «Дом свиданий».

Романы о Путилине написаны давно и не раз переиздавались под разными названиями. Изначально это трилогия, куда входит еще «Нязья ветра», однако в данное издание писатель решил третью книгу не включать. Этот факт, да еще то, что обе книги снабжены пространными авторскими дополнениями — эссе о реальном начальнике Петербургской сыскальной полиции Иване Путилине и о формировании на основе исторических источников литературного образа, об истории создания обеих книг, интервью о природе детектива и т. д., — дает право говорить о диптихе как о новом литературном высказывании.

Юзефович нередко сопровождает тексты исторического характера собственными комментариями. Эта манера ярко проявилась в сборнике рассказов «Маяк на Хийумаа». В рецензии я подробно рассматривала феномен «автопсихологической рефлексии над научными изысканиями» (см. «Один на один с Провидением», журнал НЛО, №6, 2019). В романах о сыщике Путилине научного анализа не так много, как в «Самодержце пустыни», «Зимней дороге» или большом рассказе «Маяк на Хийумаа». Но они не полностью лишены исторического подтекста.

За то время, что похождения Путилина бытуют в культурном пространстве (они не только печатались, но и дважды были экранизированы), критики не раз обращались к ним. Относительно недавно писатель и публицист Анастасия Миронова говорила о них в своем Дзен-канале. Ее материал «Юзефович против Анунина. Плагиат или нет? Прочитала сама, чтобы разобраться» уже с заголовка выдает ракурс. Миронова уназывает: «...литературный мир уже 20 с лишним лет спорит, украл Анунин идею у Юзефовича или нет», — и в размышлениях сравнивает два цикла ретродетективов, явственно отдавая пальму первенства Юзефовичу. Она же апеллирует к мнению Льва Данилкина. Отзыв Данилкина не цитируется, а пересказывается. По пересказу судя, Данилкин тоже сопоставлял между собой серии обоих авторов — и пришел к выводу, «будто бы у Леонида Абрамовича романы однослойные, а у Анунина видна стиливая игра, он играет и жанрами, и подражанием письму Достоевского, Леснова» (с этим Миронова не согласна). Но главное ли такое сравнение для оценки исторических детективов о Путилине?

По мне, внимание к теме заимствования идеи искусственно сужает суть. Самому Леониду Абрамовичу противопоставления Путилина и Фандорина давно не интересны (см. интервью «Я не ставлю историческим персонажам оценок за поведение», журнал «Нольцо "А"», №90, 2015). Да и прямая дихотомия «Юзефович vs Анунин» была возможна в 1990-х годах, когда был написан «сыщик Путилин» и зародилась «фандориана». Но сейчас уже русский ретродетектив составляют не только эти два имени, а целая когорта: и Николай Свечин, и Антон Чиж, и Валерия Вербилина, и еще многие. При таком обилии, наверное, уместнее спросить, кто же выступил в текущей российской прозе родоначальником жанра. Но, задав вопрос именно так, мы увидим: книги Юзефовича выпадают из ряда. «Ностром Арлекина» и «Дом свиданий», особенно в издании РЕШ 2022 года, принадлежат к жанру метапрозы (в его наиболее популярном формате).

«Википедия» так трантует метапрозу: «...литературное произведение, важнейшим предметом которого является сам процесс его разворачивания, исследование природы литературного текста... Марк Липовецкий, обобщая ряд исследований метапрозы, указывает, что в центре метапрозаических сочинений находится образ персонажа-писателя... выступающего как двойник и представитель собственно автора, причем структура текста позволяет читателю постоянно соотносить эти две инстанции повествования, переключая внимание с "текста в тексте" на "рамочный текст" через прямой или косвенный комментарий, относящийся к взаимопроникновению двух реальностей». В классической метапрозе «читатель оказывается "поставлен в положение со-участника творческой игры"». Все это наличествует в диптихе о сыщике Путилине. В настоящем издании структура метатекста обретает уже не двойные, а тройные рамки благодаря справочным материалам и комментариям Юзефовича (понятно, что весь комплекс написан им же, но на протяжении большинства страниц автор прячется за масками, а тут выступает от себя).

Первый роман, «Ностром Арлекина», начинается с конца жизни главного героя, с 1893 года, когда Иван Дмитриевич Путилин выходит в отставку, поселяется в деревне и намеревается написать мемуары о своей работе «вроде уголовной хроники нашей северной столицы за последние тридцать лет». Путилин не скрывает, что на писчий труд его подвигает не честолюбие, а желание заработать на тираже книги. Автор же не скры-

вадет, что, получив аванс, Путилин не может воплотить замысел в жизнь: «Однажды утром Иван Дмитриевич с грустью осознал, что чем подробнее план, тем труднее претворить его в нечто большее. Он попробовал писать совсем без плана, но и тут успеха не добился». Сыщину рекомандуют в помощники «столичного литератора Сафронова, автора двух повестей в “Русском вестнике”» (из-за его фамилии я питаю к этим книгам практически родственньй интерес). Путилин с Сафроновым сговариваются о том, что литератор должен изменить стиль до полной неузнаваемости, чтобы его читатели не поняли, кто писал за Путилина. И оба погружаются в работу, выбрав для почина историю убийства в 1871 году австрийского военного атташе в Петербурге князя фон Аренсберга — одновременно и загадочную, и зловещую, и великосветскую. Все это в совокупности, в глазах Сафронова, прельстило бы публику. Потому эта «глава» и оказалась первой в мемуарах, хотя далеко не являлась таковой по хронологии.

Таким образом, и «Ностюм Арлекина», и «Дом свиданий» — не просто повествования о преступлении и его раскрытии сыскной полицией, но повествование о том, как создавалась литературная версия некоторых приключений Путилина. В процессе много комических моментов, подчеркивающих условность природы литературного текста. Возьмем хотя бы анахронизм, связанный с тем, что первая книга «вытащена из середины» построенного по годам плана Путилина. Пронизанный любовными страстями сюжет «Дома свиданий» разыгрался на семь-восемь лет раньше, чем удушение подушками австрийского атташе, однако во второй книге единственный сын Путилина Ванечка взрослее, чем в первой, хотя по логике его еще на свете не должно быть!.. Герой-рассказчик предлагает вычеркнуть из первой истории возраст ребенка, но опять не срывается: «...В той истории, — напомнил Сафронов, — он у вас... постоянно натает по квартире игрушечную жестяную бабочку на палке. Странное развлечение для мальчишка в тринадцать лет». И, хотя Путилин признает противоречие, он оставляет все в тексте как есть. В точности как Достоевский не стал править «круглый стол овальной формы». На мой взгляд, это не что иное, как торжество метапрозы.

Первую книгу завершает эссе Юзефовича «Размышления автора о своем герое. Реальные и вымышленные приключения И.Д. Путилина». В нем писатель воспроизводит подлинную биографию и психологический портрет Путилина — выходца из низов, уроженца нурской глубинки, начавшего полицейскую карьеру с места надзирателя на Толкучем рынке в Санкт-Петербурге и своей дотошностью, сверхъестественной наблюдательностью и ревностной службой добившегося успехов в деле, которому посвятил жизнь. Карьерный рост Путилина Юзефович рисует не без пафоса: «На берега Невы он явился чуть ли не с заплечной котомкой и без гроша в кармане — а вышел в отставку тайным советником, с золотым, покрытым красной финифтью, крестом ордена Святой Анны I степени. К тому времени его имя уже стало легендой».

Как рассказано в эссе-послесловии, у Путилина действительно был биограф — журналист Иван Сафонов, вероятнее всего, обработавший его мемуары. Но история их знакомства отличалась от предложенной в романе: на деле Иван Дмитриевич скончался в долгах, и его бумаги, включая незавершенные рукописи, достались наследникам, от которых доподлинно неустановленным способом Сафонов эти рассказы и получил. То есть в реальности тоже имел место метапрозаический эксперимент: Сафонов беллетризировал записки и издал труд, поставив на титульном

листе имя Путилина, словно бы тот сам вещал. Поэтому, да еще потому, что живший на рубеже XIX–XX веков Сафонов не был столь бесталанен, как хроникер из романа (еще одна тонкая юмористическая коллизия Юзефовича — написать книгу творчески беспомощному сыщику помогает тот, кто и сам не слишком успешен в этом смысле), чтобы «отделить» персонажа от прообраза, в фамилию Сафонова писатель добавил одну букву.

Первое издание записок в книге «Сорос лет среди убийц и грабителей» имело некоторый успех, но, по словам Юзефовича, аудитория была разочарована «примитивностью» многих приключений, городским дном в качестве их фона и незначительными суммами, из-за которых совершались злодеяния. Отчего «Путилин лет через пятнадцать после смерти начал свою вторую жизнь, куда более завлекательную, бурную и романтическую» благодаря сочинителям, наделенным большей, нежели Сафонов, фантазией. Самым известным среди них был беллетрист, пишущий под псевдонимом Роман Добрый. Он создал для сыщика такие испытания, какие его прообразу и во сне не снились, и написал действительно остросюжетные рассказы, полные чисто литературных красот. Похоже, метапроза сопровождала Ивана Путилина с момента его кончины и до наших дней — если не считать большого периода безвестности. После Октябрьской революции книги о «жандарме» естественным путем вышли из употребления, и имя Путилина забылось едва ли не на сто лет...

В послесловии мне представляются самым важным «признания» Юзефовича о том, как он формировал героя, какой процент вымысла привнес в его фигуру, описание его окружения и раскрытые им преступления. Автор честен с нами: он пишет, что его Путилин не слишком похож на реально существовавшего человека, ибо, пользуясь «ненаучностью» сочинения, наделил его «такими душевными качествами, привычками и жизненными обстоятельствами, чью подлинность... трудно будет подтвердить ссылками на какие-либо исторические источники». Прямо сообщает писатель и о том, как работал над книгами: «Сюжет романа “Ностром Арлекина” я почерпнул из книги Сафонова... и добавил к нему всех героев, кроме существовавших в жизни убитого князя фон Аренсберга и его убийцы, а в “Доме свиданий” выдумал вообще все, кроме греческой мифологии». Добавил Юзефович и трогательные линии, связанные с кошмарами, собаками и детьми, которые «помогают» Путилину в расследованиях, пробуждая его интуицию и заставляя полагаться на судьбу, на неожиданные аналогии и символы. Можно сказать, что под его рукой метапрозаический эксперимент повернулся в сторону гуманности. Писатель одинаково выпукло подчеркивает и человечность «романного» сыщика Путилина, любящего мужа и отца, снисходительного к подчиненным начальнику, и то, что борец со злом (а детектив — это всегда сражение добра и зла), даже профессиональный, отнюдь не обязан быть «суперменом».

Я почти ничего не говорю о собственно детективных коллизиях обеих книг — в отличие от их метапрозаической составляющей. «Спойлерить» детектив есть подвид интеллектуального злодейства. Одно могу сказать: раскрытие обоих преступлений происходит по нисходящей. Выдвигаемые героями романов помпезные версии: «Банунин, тот ведь являлся и с Мадзини, и с карбонарскими вентами на юге Италии, а к австрийцам у него давний счет — сживал у них в тюрьме. Не он ли подбил итальянцев отомстить фон Аренсбергу?» («Ностром Арлекина») и «...покойный Нунолев проник в чью-то тайну. Случайно, может быть, он открыл эти врата и был убит вылетевшими из них силами тьмы» («Дом свиданий») — в итоге

несостоятельны. Те объяснения, что находит и подтверждает Путилин, лишены вычурности и лежат в поле страстей и пороков человеческих. Общественное положение и материальный статус не ограждают их обладателей от возможности столкновения с подлостью, жадностью или иной корыстью. В этом, к слову, данные романы Юзефовича перекликаются с рассказом Б. Анунина «Из жизни щепок» из книги «Нефритовые четки». Сборник является репликой известнейших мировых мастеров детектива — и рассказ о щепках посвящен Жоржу Сименону. Смысл его в том, что и «маленький человек» способен на большую душевную драму, толкающую на преступление. В «человеческом факторе», который подводит Юзефович в основание своих детективных конструкций, мне видится развитие упомянутого выше гуманного посыла. Пожалуй, его я считаю главным достижением и первопричиной обаяния метапрозаических историй о сыщине Путилине.

